

Николай Брешко-Брешковский

Дикая дивизия

Николай Николаевич Брешко-Брешковский

Дикая дивизия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162625

Аннотация

«...Первая мировая война 1914–1918 гг. Одно из основных сражений на русском (восточном) театре военных действий развернулось тогда на юго-западе против войск Австро-Венгрии. Галицийская битва – август-сентябрь 1914 года – явилась крупной военно-стратегической победой России. Русская армия продвинулась вглубь на 230–300 километров, захватила Галицию и ее главный город Львов. На фоне этих событий и разворачивается действие романа “Дикая дивизия”...»

Содержание

Часть первая	4
«Под тремя золотыми львами»	4
Всадники из глубины Азии	7
Великий князь Михаил	9
Лара заинтересована. Лара едет	13
Политический авантюрист	16
Глава с неожиданным окончанием	18
Ее первый роман с тринадцатью письмами	21
На поляне и за столом	24
Глава, в которой Саша Чавчавадзе перестал быть светским человеком	27
Карикозов в большом свете	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Николаевич Брешко-Брешковский Дикая дивизия

Часть первая

«Под тремя золотыми львами»

Каждый маленький, глухой городишко австрийской Галиции желал походить, если даже и не на Вену, эту нарядную столицу свою, то, по крайней мере, хотя бы на Львов. Подражательность эта выявлялась, главным образом, в двух-трех кафе, или, по-местному, по-польски, – в цукернях.

Пусть в этих цукернях выпивался за весь день какой-нибудь жалкий десяток стаканов кофе с молоком, съедалось несколько пирожных, и местные чиновники играли две-три партии на билиярде. Пусть, но и кофе, и пирожное, и сухое щелканье шаров в дыму дешевых сигар и папирос – все это вместе давало бледный отзвук той жизни, которая бурлит и клопочет в блестящей, прекрасной и недосыгаемой Вене.

Когда началась война и русская армия заняла Галицию, дела местных каверень не только поправились, а побежали в гору. Кофе и пирожное отошли в историю. Щедро платившие русские офицеры пили старое венгерское вино, ликеры и шампанское, а сухое щелканье билиардных шаров не смолкало с утра и до поздней ночи.

Так было везде, так было и в местечке Тлусте-Място, где стоял штаб туземной кавказской конной дивизии. Более интимно и более сокращенно ее называли Дикой дивизией.

В цукерне «Под тремя золотыми львами» переменился хозяин. Прежний – старый седоусый поляк с приятными манерами, – продав свое дело, уехал куда-то, а вместо него появился господин, хорошо одетый, с военной выправкой, с ястребиным профилем помятого лица и с тонкими губами. Он был вежлив, но у Него не было мягких, профессиональных манер седоусого пана.

По-русски он говорил почти свободно, хотя и с акцентом. Но когда офицеры Дикой дивизии, эти бароны, князья и графы в черкесах, говорили при нем по-французски и по-английски, никто из них не подозревал, что хозяин владеет не только этими языками, но еще и чешским, «сербским, румынским и даже турецким.

Ему не сиделось на месте. Он часто ездил в Тарнополь и в Станиславов. В этих городах у него тоже были свои цукерни, конечно, более шикарные, чем «Под тремя золотыми львами». Но с тех пор, как фронт утратил свою подвижность, затих, и штаб Дикой дивизии надолго обосновался в Тлусте-Място, обладатель ястребиного профиля основательно засел «Под тремя золотыми львами».

Цукерня помещалась в бельэтаже небольшого кирпичного особняка. Надо было подняться по деревянной лестнице, расшатанной и скрипящей с тех пор, как ступеньки ее неустанно попирались тысячами, десятками тысяч ног в кавказских чувяках и в сапогах со шпорами.

В первой комнате – столики и буфет, а за буфетом дебелая блондинка. Во второй комнате – два билиярда. В остальных комнатах – квартира хозяина.

И вот в эту летнюю ночь, когда после одиннадцати цукерня была закрыта и над стеклянной дверью уже не звенел колокольчик на железной пружине, хозяин принял в своем кабинете позднего гостя.

Этот посетитель – фельдшер Дикой дивизии в серой суконной черкеске и с большим кинжалом на животе. От черкески и кинжала воинственный вид фельдшера Карикозова мало выигрывал. Черкеска сидела на его несуразной фигуре отчаянно, а кинжал был ему только помехой. Карикозов был человек путаной и сбивчивой национальности, называл себя то армянином, то кабардинцем, то осетинцем, в действительности же не будучи ни тем, ни другим, ни третьим. Череп его имел форму дыни с большим плоским лбом. Лицо с носом-картофелиной, резко асимметричное. Одна половина не сходилась с другой. Левый глаз ниже правого, и в таком же соответствии и брови, и линия рта. В общем – восточная внешность, но сказала в фельдшере Карикозове менее всего в смысле породы и более всего вырожденчески. Такие типы в Константинополе приставали к европейским туристам, таинственно обещали ввести их в гарем какого-нибудь паши и, вместо гарема, вели в публичные дома Галаты, где они получали известный процент с каждого «гостя».

Хозяин цукерни «Под тремя золотыми львами» сел, закурил сигару и только потом неохотно предложил сесть человеку с большим кинжалом.

Обладатель ястребиного профиля опытным, холодным, прищуренным взглядом всматривался в посетителя.

«Глуп, туп и лукав», – решил он. А посетитель напряженно молчал, и от этого напряжения и еще от сильной охоты угодить его лоб – дыня вспотел.

– Ваша фамилия Каракозов?

Хозяин цукерни коснулся больного места: фельдшер злился, когда искажали его фамилию и все лицо вместе с бровями и ртом пришло в движение, и он заговорил хрипло и резко, с акцентом актеров, выступающих с армянским анекдотами:

– Па-слюшайте, господин, очень вас прошу – я не Каракозов и не Киракозов... я Карикозов, нанимаете, Карикозов!

Подобие улыбки тронуло тонкие губы, но холодными оставались глаза.

– Хорошо, я буду помнить: вас зовут Каракизовым. Так вот, Каракизов, если вы будете доставлять интересные сведения, я буду вам хорошо платить.

– Почему не интересно? Всегда будет интересно! – пообещал фельдшер.

– У вас есть какое-нибудь отношение к штабу дивизии?

– Очень большое отношение. Старший писарь на оперативном отделении мой первый друг.

– Да, это очень хорошо... Но только соблюдайте осторожность, чтобы не влопаться. А эта ваша дружба, на чем же она основана?

– Я его лечу от одного неприятного балезня... Даже очень нехороший балезнь... Вновь сухие губы дрогнули улыбкой.

– Лечите же его подольше. Пациент всегда заискивает перед своим врачом и поэтому – болтлив. А скажите, Каракозов, виноват, Карикозов, как поставлена охрана великого князя?

– Известно! Конвой охраняет, а начальник конвоя, ротмистр Бичерахов, осетин. Великий князь очень храбрый: все вперед, все вперед! А только Юзефович, полковник, начальник штаба, не пускает. «Ваше высочество, – говорит, – я вашей маменька-императрица слова дал, буду беречь вашу священную особу»... – Как следует охраняет! – Кроме конвоя, есть еще и тайная охрана?

– Есть! Четыре политических сыщика. Только он об этом ничего не знает, Михаиле.

– Как вы сказали?

– Михаиле, говорю! Наши туземцы всадник так называют великий князь: «Наш Михаиле».

Карикозов хотел еще что-то прибавить, но осекся, увидев, что собеседник его не слушает, думая о чем-то другом. Карикозов понял инстинктом: они хотят убить великого князя, уже потому хотя бы, что он брат государя. И фельдшер побледнел, и во рту у него пересохло, но не от каких-либо добрых человеческих побуждений, нет, а просто Карикозов струсил. Он был отчаянный трус.

Хозяин открыл ящик письменного стола и вынул две новенькие сторублевки.

– Вот вам аванс на расходы. Помимо директив, которые будут от меня получаться, доносите обо всем, что увидите и услышите. Не все, конечно, а то, что будет иметь военное значение. Возьмите же это...

Фельдшер рукою, походившей на птичью лапку, с узловатыми, короткими пальцами, взял со стола деньги и зажал их под длинным рукавом черкески. Его лицо, отвратительное и без того, исказилось жадностью, и эта жадность подсказала ему:

– Господин, еще спирт, магу, каньяк магу...

– Не надо.

– По дешевой цене...

– Не надо!

– Кокаин?

Что-то блеснуло в холодных глазах человека с ястребиным профилем:

– Кокаин принесите! Он встал.

– Вас проведут черным ходом. И всегда приходите с черного хода. Переулок темный, узенький... там никогда никого не бывает...

Фельдшер, очутившись в переулке и надвинув на глаза папаху, уверенный, что так его никто не узнает, подняв полы черкески, засунул в карман две скомканные сторублевки.

– Для начала неплохо, – подумал он. А вторая мысль была. – Этот австриец прав, шельма, надо затянуть болезнь старшему писарю оперативного отделения...

Всадники из глубины Азии

Русская, так называемая регулярная, конница всегда стояла на большой высоте. Но в то же время необъятная империя обладала еще и прирожденной конницей, единственной в мире по числу всадников, по боевым качествам своим.

Это – двенадцать казачьих войск, горские народы Северного Кавказа и степные наездники Туркестана.

Ни горцы, ни среднеазиатские народы не отбывали воинской повинности, но при любви тех и других к оружию и к лошади, любви пламенной, привитой с самого раннего детства, при восточном тяготении к чинам, отличиям, повышениям и наградам путем добровольческого комплектования можно было создать несколько чудесных кавалерийских дивизий из мусульман Кавказа и Туркестана. Можно было бы, но к этому не прибегали.

Почему? Если из опасения вооружить и научить военному делу несколько тысяч инородческих всадников, – напрасно! На мусульман всегда можно было вернее положиться, чем на христианские народы, влившиеся в состав Российского царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона.

Революционное лихолетье дало много ярких доказательств, что горцы Кавказа были до конца верны присяге, чувству долга и воинской чести и доблести.

Мы на этом в свое время остановимся подробно, а посему не будем забегать вперед.

Только когда вспыхнула великая война, решено было создать туземную конную Кавказскую дивизию.

С горячим, полным воинственного пыла энтузиазмом отозвались народы Кавказа на зов своего царя. Цвет горской молодежи поспешил в ряды шести полков дивизии – Ингушского, Черкесского, Татарского, Кабардинского, Дагестанского, Чеченского. Джигитам не надо было казенных коней – они пришли со своими; не надо было обмундирования – они были одеты в свои живописные черкески. Оставалось только нашить погоны. У каждого всадника висел на поясе свой кинжал, а сбоку своя шашка. Только и было у них казенного, что винтовки. Жалованья полагалось всаднику двадцать рублей в месяц. Чтобы поднять и без того приподнятый дух горцев, во главе дивизии поставлен был брат государя, великий князь Михаил Александрович, высокий, стройный, сам лихой спортсмен и конник. Такой кавалерийской дивизии никогда еще не было и никогда, вероятно, не будет.

Спешно понадобился офицерский состав, и в дивизию хлынули все те, кто еще перед войной вышел в запас или даже в полную отставку. Главное ядро, конечно, кавалеристы, но, прельщаемые экзотикой, красивой кавказской формой, а также и обаятельной личностью царственного командира, в эту конную дивизию пошли артиллеристы, пехотинцы и даже моряки, пришедшие с пулеметной командой матросов Балтийского флота.

И впервые с тех пор, как существует русская военная форма, можно было видеть на кавказских черкесках «морские» погоны.

Вообще, Дикая дивизия совмещала несовместимое. Офицеры ее переливались, как цветами радуги, по крайней мере двумя десятками национальностей. Были французы – принц Наполеон Мюрат и полковник Бертрен; были двое итальянских маркизов – братья Альбици. Был поляк – князь Станислав Радзивилл и был персидский принц Фазула Мирза. А сколько еще было представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтийских баронов? По блеску громких имен Дикая дивизия могла соперничать с любой гвардейской частью, и многие офицеры в черкесках могли увидеть имена свои на страницах Готского альманаха.

Дивизия сформирована была на Северном Кавказе, и там же в четыре месяца обучили ее и бросили на австрийский фронт. Еще только двигалась она на запад эшелон за эшелонем,

а уже далеко впереди этих эшелонов неслась легенда. Неслась через проволочные заграждения и окопы. Неслась по венгерской равнине к Будапешту и Вене. В нарядных кофейнях этих обеих столиц говорили, что на русском фронте появилась страшная конница откуда-то из глубины «Азии». Чудовищные всадники в длинных восточных одеждах и в громадных меховых шапках не знают пощады, вырезают мирное население и питаются человечины, требуя нежное мясо годовалых младенцев.

И сначала не только досужие болтуны в кофейнях, но, и штабные австрийские офицеры, имевшие о России более чем смутное понятие, готовы были верить, что страшные всадники действительно вырезают все мирное население и лакомятся детским мясом.

Легенда о кровожадности всадников не только поддерживалась, а и муссировалась австрийским командованием, чтобы внушить волю к сопротивляемости мозаичным, разноплеменным войскам его апостольского величества императора Франца Иосифа.

И когда эта «человеческая мозаика» начала сдаваться в плен, высшее командование наводило армию воззваниями: «Эти азиатские дикари вырезают поголовно всех пленных».

Воззвание успеха не имело. Ему никто не верил. Австрийские чехи, румыны, итальянцы, русины, далматинцы, сербы, хорваты батальонами, полками, дивизиями под звуки полковых маршей, с развернутыми знаменами переходили к русским.

Наше повествование относится к моменту, когда после успехов и неудач русская армия, освободив часть Галиции, задержалась на линии реки Днестра. Дикая дивизия занимала ряд участков на одном берегу, более пологом, а к другому, более возвышенному, подошли и закрепились австрийцы.

Великий князь Михаил

Фельдшер Карикозов не солгал человеку с ястребиным профилем: полковник Юзефович, крепкий, приземистый, большоголовый и широкоплечий татарин, следил, чтобы во время боев великий князь Михаил не вырывался вперед и не рисковал собой.

Как только Юзефович был назначен начальником штаба Дикой дивизии, его потребовал к себе в ставку верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич.

– Немедленно отправляйтесь в Киев. Вас желает видеть императрица Мария Федоровна.

В Киеве императрица, обласкав Юзефовича, сказала ему:

– Полковник, прошу вас как мать, берегите Мишу. Вы можете дать мне слово?

– Мое слово солдата вашему величеству, я буду охранять великого князя по мере сил моих...

Юзефович был верен своему слову. А держать слово было нелегко. Нужны были неустанная зоркость и внимание, настойчивость, надо было, кроме того, быть дипломатом, Действовать так, чтобы, во-первых, сам великий князь не замечал опеки над собой, а во-вторых, чтобы ее – этой самой опеки – не замечали все те, перед кем можно было поставить великого князя в неловкое положение. А он, как нарочно, всегда хотел быть там, где опасно и где противник развил губительный огонь. Толкала Михаила в этот огонь личная отвага сильного физически, полного жизни спортсмена и кавалериста, затем еще толкала мысль, чтобы кто-нибудь из подчиненных не заподозрил, что своим высоким положением он желает прикрывать свою собственную трусость. А между тем, если подчиненные и упрекали его, то именно в том, что он часто без нужды для дела и для общей обстановки стремился в самое пекло.

Хотя польза была уже в том, что полки, видя великого князя на передовых позициях своих, воспламенялись, готовые идти за ним на верную смерть. Он одним появлением своим наэлектризовывал горцев. И они полюбили его, полюбили за многое: прежде всего за то, что он брат государя и храбрый джигит, а потом уже за стройность фигуры, тонкость талии, за умение носить черкеску, за великолепную посадку, за приветливость и за то, наконец, что у него была такая же ясная, бесхитростная душа, как у них, этих наивных всадников.

И так же просто и ясно на виду, как под стеклянным колпаком, жил великий князь на войне. Обыкновенно генералы куда большим комфортом и блеском окружали себя.

Вся свита Михаила не превышала двух-трех адъютантов. На походах он ютился в тесных мужицких халупах вместе с офицерами, а в дни трудных зимних боев в Карпатах спал в землянках и, питаясь консервами, заболел желудочной язвой.

На длительных стоянках в городах и местечках, как то было в Тлусте-Място, он занимал две комнаты. Одна служила ему кабинетом и спальней, другая – столовой.

Сам он, кроме минеральной воды, ничего не пил, и вино подавалось для свиты и для гостей – иногда приглашались к завтраку или к обеду командиры бригад и полков, а то и офицеры помоложе, из тех, кого Михаил Александрович знал лично и по совместной службе в гвардии, и по черниговским гусарам, коими он командовал около двух лет в провинциальном глухом Орле, куда был сослан за свой роман с женой ротмистра Вульфберта, однополчанина своего по синим кирасирам.

Теперь он был женат на бывшей мадам Вульфберт морганатическим браком помимо воли своего брата-государя и царицы-матери.

Супруге Михаила высочайше дана была фамилия Брасовой, даже без титула – знак исключительного неблаговоления.

В этом домике под черепичной крышей, одноэтажном, наполовину выходившем во фруктовый сад, жил раньше австрийский чиновник; может быть, судья, может быть, нотариус, может быть, полицейский комиссар. С наступлением русских чиновник эвакуировался в глубь страны, дом опустел и теперь занят великим князем.

Сегодня, кроме адъютантов и дивизионного священника, приглашен к завтраку еще и Юзефович...

Скромные закуски вытянулись на тарелках и блюдах от края до края между приборами: масло, сыр, ветчина, редиска, холодное мясо. Старый придворный лакей, бритый и важный, в серой тужурке с металлическими пуговицами, больше идущий к дворцовым анфиладам, чем к этой низенькой комнате, вместе с другим лакеем, помоложе, покрыл весь стол громадным куском кисеи. Так было уже заведено в летнее время: перед тем, как садиться, когда кисея из белой превращалась в черную, густо облепленную мухами, великий князь с одной стороны, а с другой кто-нибудь из адъютантов – ротмистр Абаканович или полковник барон Врангель – быстро и ловко свертывали кисею, и все мухи попадали в мягкую прозрачную западню. Лакей уносил жужжащую кисею. Священник, обернувшись к иконе, читал молитву. Михаил Александрович занимал председательское кресло, и все рассаживались вдоль стола.

Так было и на этот раз.

И на этот раз, как и всегда, великий князь, по врожденной застенчивости своей, не овладевал разговором как старший по чину и по положению, а, вопреки этикету, к нему обращались и его занимали.

Священник с длинными, светлыми волосами и светлой бородой; выжав на сардинку пять-шесть лимонных капель, повернул иконописную голову свою к Михаилу.

– Ваше, императорское высочество, приходилось вам когда-нибудь встречать германского кайзера Вильгельма?

Бледное нежное лицо Михаиле вспыхнуло. Он всегда вспыхивал, с кем бы ни говорил, будь это даже простой всадник. Непонятная застенчивость в этом более чем светском человеке, атлетически сложенном, стальными пальцами своими рвавшем нераспечатанную колоду карт и гнувшем монеты. Необычайную силу свою он унаследовал от отца, Александра III. Но, увы, не унаследовал отцовской силы воли и умения властвовать. Наоборот, у Михаила было отвращение к власти, а царственным происхождением он тяготился.

Священник, все еще держа горбушку лимона, ждал ответа на интересовавший его вопрос. Он случайно во время войны попал в высокие сферы и хотел узнать то, чего в обычных условиях никогда не узнал бы.

Михаил поднял глаза и как бы осветил всех мягким взглядом.

– В обществе императора Вильгельма я однажды, провел около трех часов, это было летом, кажется, в 1909 году. Я тогда путешествовал по Германии.

– Какое же впечатление он оставил о себе у вашего высочества? – спросил священник, весь обратившись в слух.

Михаил не сразу ответил. Ему не хотелось говорить дурно даже о том, кто сейчас воевал против России и был всегда врагом маленькой Дании, а следовательно, и царицы-матери как датчанки.

– Мое впечатление?.. Как вам сказать, батюшка, за эти три часа – это было на германском броненосце в Киле – император Вильгельм успел несколько раз переодеться. Я его видел в штатском, видел в мундире немецкого адмирала и, наконец, в русской форме. Он ведь был шефом Выборгского пехотного армейского полка.

– Фигляр, – тихо уронил мрачный Врангель.

– Позер, – поддержал его ротмистр Абаканович с моложавым, почти юношеским лицом.

– Хм... да... Очень даже легкомысленно для такой высокой особы, – молвил священник. Вошел Юзефович.

– А вот и Яков Давыдович! – сейчас только вспомнил великий князь, что, прибор начальника штаба оставался пустым. Юзефович, уже видевший утром Михаила, сказав, как полагается: «Ваше высочество, разрешите сесть», – занял свое место.

С его появлением как-то подтянулись и адъютанты, и священник. Все они, побаивались резкого и самостоятельного Юзефовича. А тут он был еще не в духе и торопливо ел, поглядывая на часы.

Видя его нетерпение и угадывая, что он желает скорее остаться с ним с глазу на глаз, Михаил, как только был подан кофе, вставая, обратился к свите:

– Господа, не беспокойтесь... Я пойду с Яковом Давыдовичем в кабинет.

И высокий, стройный, легкой и в то же время упругой походкой он исчез и соседней комнате, и вслед за ним вошел и закрыл дверь Юзефович.

В домашней, не в боевой обстановке и начальник дивизии, и начальник штаба не носили кавказской формы. Юзефович был в английском френче, а великий князь в тонком парусиновом кителе с матерчатыми генеральскими погонами, в таких же парусиновых бриджах и в мягких желтых сапогах.

– Садитесь, Яков Давыдович. Вы чем-то озабочены? Дурные вести? – И ясные глаза Михаила встретились с татарскими глазами Юзефовича.

Начальник штаба ответил не вдруг. Да и нелегко было вдруг ответить. Из штаба армии его известили: по сведениям армейской контрразведки, австрийцы готовят покушение на великого князя. По тем же сведениям, австрийским жандармам-добровольцам поручено убийство Михаила. Они должны с фальшивыми паспортами, переодетые в штатское, просочиться в Глусте-Място.

Юзефович уже приказал всех мало-мальски подозрительных мужчин арестовать и выслать из расположения дивизии. Но этого мало, надо сделать ряд обысков, облав и принять особые меры к охране великого князя.

Он колебался, с чего начать – вопрос неприятный и щекотливый. И, как это всегда бывает у решительных людей, начал с первой пришедшей в голову мысли.

– Ваше высочество, вы гуляете вечерами по местечку. Я очень просил бы сократить, даже совершенно отменить эти прогулки.

– Это почему? – удивился Михаил.

– По моим сведениям, это далеко не безопасно. Могут, и не только – могут, а и... ну, словом, я очень рекомендовал бы вашему высочеству беречься! Это мы честно воюем, не прибегая к террористическим актам, а у неприятеля все средства хороши.

– Что же, убьют меня, на мое место назначат другого...

– Но в данном, случае идет речь не о начальнике туземной дивизии, а о высочайшей особе, брате государя, – пояснил Юзефович, – надеюсь, ваше высочество обещает?

– Я ничего не обещаю! – возразил великий князь с твердостью, удивившей Юзефовича.

Как слабохарактерный человек, Михаил уступал ему во многом, но до тех пор, пока эти уступки не задевали повышенного чувства самолюбия и воинско-рыцарской чести, отвлеченной, не желающей считаться с действительностью. Михаил почел бы для себя за самое унижительное и постыдное прятаться от «каких-то убийц». И, кроме того, еще глубоко религиозный, он был уверен, что без воли Божьей с ним ничего не случится – особенный христианский фатализм, сходный с мусульманским. Юзефович увидел, что здесь ему не поставить на своем, не переспорить, не переубедить. Он только прибавил, сдерживаясь и боясь сказать лишнее:

– Должен поставить в известность ваше высочество, что и днем, и ночью весь город и особенно местность, прилегающая к штабу и квартире вашего высочества, будут охраняться пешими и конными патрулями из туземцев.

– Лично был бы против, но это уже ваше право, Яков Давидович, и в этом я вам не помеха.

Лара заинтересована. Лара едет

– Нет, Юрочка, милый, вы какой-то не настоящий!

– Почему же я не настоящий, Лариса Павловна? – обиделся Юрочка.

– Да потому! Сколько времени я вас не видела? Около двух лет? Больше! Вы тогда после своего лица высиживали в какой-то канцелярии, и у вас был глубоко штатский вид. Вы сутулились... Правда же, Юрочка! И у вас торчали вихры. А теперь эта кавказская форма... к вам подступиться страшно! Нет, все это ужасно, ужасно воинственно. Сил нет! Кинжал револьвер, сабля!..

– Шашка, – поправил Юрочка.

– Пусть будет шашка! Я ведь женщина этих ваших тонкостей не знаю. Наконец, эти непокорные вихры, где они? Их нет и в ломкие Вы стали брить голову, как татарин. Какой ж вы настоящий?

– А может быть, тогда я и был не настоящий? – не сдавал своих позиций Юрочка. – Мой дед, генерал Федосеев – один из героев кавказских войн.

– А, вы хотите сказать, что в вас проснулся атавизм?

– А почему бы и нет? Право, обидно...

– Ну, ну, не обижайтесь, Юрочка! Нет, не шутя, я верю вам, да, да! В этой красивой форме, с бритой головой, вооруженный до зубов вы и есть настоящий Юрочка Федосеев.

Мы в Петербурге, у Ларисы Павловны Алаевой. В свете сокращенно звали ее Ларой. Это шло ее нерусскому типу – типу высокой гибкой брюнетки со своенравным, но притягивающим лицом – чуть-чуть косая линия губ чуть выдающиеся скулы, две продолговатые миндалины темно-кофейных глаз. Алаева – это по мужу, ныне покойному. Девичья же ее фамилия была Фручера. В итальянскую кровь давно обрусевших триентинцев Фручера из поколения в поколение вливалась еще и греческая, и армянская, и русская, и еще какая-то восточная. И путем такого подбора создалась экзотически-азиатская Лара, затмевавшая писанных классических красавиц. Ей очень к лицу было бы множество браслетов с цепочками и разными висюльками. Она знала это, но не носила, считая быющим на дешевый эффект мовэ жанром. В обществе у Лары была репутация легкомысленной женщины, грешившей и при муже, и после мужа, но настолько искусно и с таким чувством меры, чтобы оставаться в этом обществе, быть всюду принятой и принимать у себя.

Она курила, забрасывала ногу на ногу и, не злоупотребляя, баловалась кокаином. Но все это было в ее стиле – и папиросы, и нога на ногу, и кокаин. Куренье не лишало ее женственности, ножки у нее были прелестные, а кокаин с «военной» распушенностью и поисками сильных ощущений приобретал все больше и больше права гражданства в петербургских салонах, в тылу и на фронте.

Лара не узнала Юрочку. Два года назад Юрочка не подавал никаких надежд. Вернее, подавал надежды кончить дни свои бесцветным и тусклым чиновником, нажившим вместе с геморроем еще и чин тайного советника.

И, дымя папироской, наблюдая, как Юрочка откидывает широкие, длинные рукава черкески, отчетливый в движениях и с обветренным лицом – оно темнее светловолосой бритой головы – Лара спросила:

– Но как же, Юрочка? Вас не позвали? Вы сами? Добровольцем?

– Добровольцем, – согласился Юрочка.

– Отчего это? Повоевать захотелось?

– Да, повоевать. И еще... – он как-то замялся, – еще любовь к родине.

– Любовь к родине? – сощурила восточные миндалины свои Лара. – Нас этому в институте не учили...

– И это очень плохо! – подхватил Юрочка. – И нас в лицее тоже не учили. Над патриотизмом смеялись не только левые, но и правые. И вот понадобилась война, и какая война, чтобы всколыхнуть это чувство! У одних спавшее, а у других... – и, не кончив, махнул рукой: вместе с широким книзу рукавом она походила на крыло птицы.

Лару нельзя было назвать недалекой женщиной, Но она не жаловала отвлеченных бесед.

– Какой на вас чин, Юрочка?

– Я, я, видите ли, прапорщик, – сконфузился он за свою одинокую звездочку на погонах, – но через два-три месяца, если, конечно, ничего особенного не случится, я буду произведен в корнеты.

– Корнет звучит гордо, – улыбнулась Лара. – Но, кстати, в какой части вы служите? Что-то вроде казаков?

– Лариса Павловна, да вы откуда? С луны? – всплеснул руками негодующий Юрочка. – Неужели вы не слышали про славную туземную кавказскую конную дивизию?

– Ах, это! – спохватилась Лара. – Так бы и сказали! Конечно, слышала: Дикая дивизия? Там у вас Напо Мюрат?

– И Мюрат... И вообще, ничего подобного вы не найдете во всей армии. У нас и рыцари долга, и чести, и кондотьеры, и авантюристы, и все те, кого, как хищников, привлекает запах крови. А наши всадники? Эти горцы, идущие на войну, как на пир, на праздник! А наша молодежь с девичьими талиями и с громадными, влажными черными глазами газелей? А сухие старики, увешанные Георгиями еще за Турецкую войну и служившие в конвое императора Александра II? Им уже за семьдесят, «о какие бойцы, как рубят, какие наездники! У нас есть один пожилой всадник. Он командовал чуть ли не всей персидской армией. Ингуш Бек-Боров. Он красит бороду в огненный цвет...

– Как это интересно! Что-то нероновское. А ногти красит?

– Ногти? – опешил Юрочка. – Этого я не заметил. Но не разболтался ли я? Вам не скучно?

– Нисколько! Все это так ново! И нравы, должно быть, тоже особенные?

– О, еще бы! Совсем другой мир! В каждом полку свой мулла. Священник, – пояснил Юрочка. – Мулла весь в черном, а его папаха обернута зеленым. Цвет знамени пророка. Вот в черкесском полку мулла ученый, побывавший в Мекке. Его папаха обернута белым. Каждый мулла на позициях со своим полком и, как у всех, у него винтовка, кинжал и шашка. Хоронят убитых они, не обмывая, как у нас, христиан, а как застала его смерть, со следами крови, в полном вооружении и в боевой черкеске, чтобы на том свете видели все, какой это был доблестный джигит и какой славной смертью он Погиб. У наших мусульман считается великим бесчестьем покинуть павшего товарища на поле сражения. Он должен быть похоронен своими же и по своему обряду. Бывали случаи, горцы под адским огнем, теряя людей, вытаскивали и уносили труп всадника своей сотни...

– О, да это совсем романтично! – вырвалось у Лары.

– Еще бы! Это сплошная романтика! Это нельзя рассказать, это надо видеть! Знаете что, Лариса Павловна, приезжайте к нам погостить. Только скорее, пока у нас затишье и нет боев. Я послезавтра возвращаюсь в полк. Хотите, вместе поедем? Здесь, в Петербурге, вы все живете сплетнями, скучаете, томитесь, а там – настоящая жизнь. И как будут вам рады! Какие перспективы интересного флирта! Мы по месяцам не видим интересных женщин...

– Юрочка, еду! Вы меня зажгли!.. Но только в качестве кого же? Ехать так, просто – неудобно. Неудобно, хотя у меня, кроме вас и Напо Мюрата, найдется очень много знакомых. Выдумайте что-нибудь!

– Есть! Выдумал! Привезите подарки нашим всадникам. Их никто не балует. Они за малейшее внимание будут так признательны! Кликните клич между своими благотвори-

тельницами. Среди этих дам есть жены генералов и офицеров Дикой дивизии. Накупите несколько тысяч папирос, два-три ящика шоколаду, бисквитов, мыло, иголки, нитки. Вот вам и подарки!

– Идея, Юрочка, идея! Сейчас же открываю огонь по всей телефонной линии!

Политический авантюрист

Карикозов вышел вместе с дивизией с Кавказа. Там, когда он просился в дивизию, он клялся, что он такой фельдшер, каких немного во всей русской армии. На самом деле все его медицинские познания сводились к умению кое-как делать перевязки, да еще кое-как примитивно лечить одну весьма распространенную солдатскую болезнь.

Карикозов прибыл на фронт с громадным кинжалом. Его спрашивали:

– Ты же фельдшер, зачем тебе такой большущий кинжал?

– Ваше сиятельство, – Карикозов величал всех офицеров «вашим сиятельством», знал, что в дивизии много князей и графов, – ваше сиятельство, фельдшер, не фельдшер, а немцев этим кинжалом буду резать! – И при этом он корчил зверскую гримасу, скалил зубы, а его хриплый голос переходил в низкое рычание.

Но Карикозов, столь храбрый на словах, оказался отчаянным трусом. Как сотенный фельдшер, верхом на коне, должен был он следовать за своей сотней до передовых позиций включительно. Но при пулеметном и ружейном огне, даже отдаленном, у фельдшера отнимался язык и его насквозь прошибало холодным потом, обалделый, беспомощный, с трясущимися руками, трясущийся весь, мог ли он исполнять свои обязанности? Ингуши – он попал в ингушский полк – презирали его, как только может презирать кавказский горец отчаянного безнадёжного труса. В глазах горца даже средняя доблесть не имеет особенной цены, именно потому, что она – «средняя».

Эти же самые ингуши, да и не только ингуши, а и чеченцы, кабардинцы, когда их сажали в окопы, свое окопное сидение считали великим бесчестьем:

– Это баба прячется в землю. Джигит не должен прятаться. Джигита дело – в атаку ходить, и не пешим, а конным!

И действительно, в короткой боевой истории Дикой дивизии был целый ряд конных атак, изумительных по своей красоте и лихости.

Карикозов устроился в дивизионном лазарете. Это уже в тылу, и там уже не вгоняли его в озноб и онемение трескотня винтовок и захлебывающееся «таканье» пулеметов.

Кому он завидовал – это санитарам. Они первые подбирали убитых и тяжелораненых, а потом, глядишь – у одного санитаря золотой портсигар, у другого туго набитый бумажник, у третьего дорогой хронометр. Но даже и для того, чтобы сделаться двуногой гиеной, мародерски грабящей трупы и полутрупы, даже для этого у Карикозова не хватало нервов, ибо санитары обязаны работать не только после боя, но и во время самого боя, а в таких условиях от шальной пули далеко не всегда уберешься.

Но Карикозов утешился. И здесь, в безопасном тылу, он умудрился торговать спиртом, коньяком и, как мы уже знаем из его беседы с обладателем ястребиного профиля, кокаином. Этот белый порошок лазаретный фельдшер тайком поставлял некоторым офицерам своей же дивизии. Клиентами его были – барон Шромберг, вскоре убитый на дуэли, ротмистр Коваленский и трое братьев Штукенбергов из Татарского полка. А в лице нового хозяина цукерни «Под тремя золотыми львами» Карикозов приобрел еще одного выгодного клиента.

Этот клиент, всегда готовый к тому, что его могут повесить, должен был взвинчивать себя наркотиками. Вообще, это был замечательный человек.

Настоящая фамилия его барон Сальватичи. Но он менял ее на другие фамилии, менее звучные и более скромные.

Типичный австрийский авантюрист, где надо – военно-политический эмиссар, где надо – военно-политический шпион.

Он служил в первом боснийском полку венского гарнизона и пробыл в нем около двух лет. Боснийский полк он выбрал, во-первых, потому, что считалось шикарным носить феску

и командовать солдатами гигантского роста, а затем он хотел научиться сербскому языку. Все эти великаны в широких балканских шароварах и куцых куртках, одним видом своим вызывавшие восхищение экспансивной венской толпы, были сплошь сербы из горной Боснии. Ни на каком другом языке, кроме своего, не говорили смуглые, сухощавые красавцы в алых фесках. Они знали только шестьдесят-семьдесят командных немецких слов.

Через два года лейтенант Сальватичи вышел в запас и неофициально зачислился в тайную агентуру генерального штаба. Его командировали в Албанию. Он имел в своем распоряжении довольно большие деньги для подкупа албанских вождей и князьков. Кроме денег, он снабжал их еще и оружием. Оно доставлялось на пароходах «Австрийского Ллойда» и выгружалось в таких глухих и пустынных гаванях, как Сан-Джованни ди-Медуа.

Албанские четы делали набеги на сербскую территорию, а Сальватичи, организатор этих набегов, получал признательность не только от своего генерального штаба, но и от министерства внутренних дел. Он входил во вкус своего авантюристического амплуа. Никакая служба в строю, особенно в малых чинах, не может дать ни таких денег, ни таких впечатлений, ни такой власти. А какой простор для собственной инициативы!..

И он уже хотел большего, чем натравливание арнаутских банд на границы ненавистой Сербии.

Убедившись, что за внешней политикой есть еще и другая, тайная, более могущественная, он убедился в существовании сил, не связанных ни каким-либо правительством, ни территорией, ничем!

Эти силы – масонство, делающее политику, политику в мировом масштабе. И, оставаясь агентом Вены, Сальватичи сделался еще агентом масонских лож.

Ложам необходимо было вызвать великие потрясения. Им хотелось для этого общеевропейской войны. Хотелось стравить Австро-Венгрию и Россию и этим вовлечь в «игру» все великие державы. Но было препятствие в лице наследного эрцгерцога Франца Фердинанда, убежденного поборника добрососедских отношений с великой Россией.

Он высказывал:

– Только мирное сожительство двух империй – католической Австрии и православной России может дать прочное спокойствие Европе.

Так думал Франц Фердинанд, но его масонские логи думали иначе. В их планы входило именно разрушение католической Австрии и православной России.

Но так как наследный эрцгерцог еще при жизни дряхлого Франца Иосифа взял всю полноту власти, его надлежало уничтожить.

В хитрый и сложный клубок сплетались события, вожеления и замыслы. Планы масонских лож сходились с планами Германии и с аппетитами военной австрийской партии, мечтавших о победных лаврах и ненавидевших Франца Фердинанда и Россию.

Барону была поручена техническая сторона ликвидации эрцгерцога, и двое экзальтированных сербских юношей, осуществляя сараевское убийство, до конца дней своих не сомневались, что собственной волей творили национальное дело освобождения Родины.

Выстрелы, прозвучавшие на узких, живописных улицах Сараева, были сигналом к чудовищной, небывалой мировой бойне.

С войною в руках Сальватичи – его очередной псевдоним был Руммель – сосредоточились нити разведки Галицийского фронта.

Глава с неожиданным окончанием

Карикозов делал обычный доклад свой, как всегда, ночью, и, как всегда, на животе его нелепо и ненужно висел большой кинжал.

Фельдшер волновался и от желания угодить, и от сознания, что сейчас откроет что-то действительно очень важное. Еще не успел начать, а уже лицо с двумя «разными» половинами и носом-картофелиной пришло в движение.

– Этот черт Юзефович! Все знает, татарски морда! Я вам такое сейчас сказал, такое... – тянул фельдшер, прикидывая, сколько он за это свое «такое» получит?

Сальватичи перебил:

– Говорите же, наконец, в чем дело?

– А в том дело: секретки телефон искать будет. Татарски морда приказ отдавал: все местечко обыск делать, все подвал! Потому – донесение есть... У кого найдут, все семейство вешать будут!

Последнее Карикозов прибавил уже от себя, чтобы взять Руммеля «на испуг». Но взять этого человека «на испуг» было трудно. Рисковать своей головой вошло у него едва ли не в привычку. Но и он заволновался: помятое лицо, лицо с печатью многих излишеств, пошло судорогой.

– Уходите, уходите сейчас же! Фельдшер не уходил, выразительно глядя на так хорошо знакомый ящик письменного стола.

– Да! – вспомнил Руммель. – Вот вам пятьсот рублей. Уходите же!

– Еще маленький прибавочка... Первый сорт новость! Большой новость!

Дав «прибавочку», Руммель выпроводил назойливого агента.

Оставшись один, тяжело перевел дух. И – так всегда! И сам он, и все его хитросплетения висят на тоненькой, тоненькой ниточке. Один только миг – не учтешь его, не предусмотрит – ниточка обрывается, и все вместе с ним, Сальватичи, летит в бездну! А уйти, перестроить свою жизнь на другой, более спокойный лад – уже нельзя. Уже все в нем отравлено ядом. Этот яд – и спортивное чувство, и почти полная самостоятельность, и азарт, опьянение риска, и возможность искупать жуткие минуты страха такими наслаждениями, цена коих недоступна при всякой другой службе...

И, сжав руками седеющие виски, он постоял немного. Воображение, подхлестываемое безграмотной, несвязной речью шпиона, рисовало ингушей, с диким криком ворвавшихся в подвалы, рисовало виселицы и на одной из этих виселиц... Сальватичи взял пакетик с белым порошком, высыпал щепотку на твердый ноготь большого пальца и хищной, тонкой ноздрей втянул...

Заколыхавшись, страшные виселицы исчезли... Бодрый, легкий, не чуя собственного веса, взяв из потайного ящика ключ, спустился он в подвал, заставленный бочками, ящиками и всяким хламом. Вспыхнуло электричество.

Сальватичи нажал замаскированную кнопку. Бесшумно, медленно отделился квадрат стены» обнажив телефонную сеть с полированной доской, с зелеными шнурами, с металлическими дырочками и штепселями. Что-то сухо защелкало. Опытной рукой вставлялись и вынимались штепселя. Отдавался ряд приказаний на немецком языке с певучим венским акцентом. И все это бежало по синим шнуркам, и по этим же синим шнуркам возвращались ответы. Опасность предотвращена. Тоненькая ниточка остается такой же тоненькой, но, пожалуй, сегодня она не оборвется... А дальше, дальше люди профессии капитана Сальватичи не заглядывают – бесполезно!

Квадрат стены плавно вернулся на свое место.

На другой день капитан Сальватичи, уже как пан Руммель, новый хозяин цукерни, присаживался к своему директорскому столику возле буфета, наблюдал за двумя лакеями, за блондинкой-буфетчицей и за гостями – все сплошь военными, офицерами Дикой дивизии, гродненскими гусарами, гвардейскими уланами. Эти два полка из Варшавы занимали позиции бок о бок с туземцами.

Русская речь, пересыпанная французскими фразами, гортанный говор грузин и горцев. Папиросный, сигарный и трубочный дым. Коричневые и серые черкески, щеголеватые френчи гусар и улан, звон шпор, щелканье бильярдных шаров...

Все столики заняты, но никто не пил ни шоколаду, ни чаю – всего того, что потреблялось из года в год здесь под вывеской, наполовину смытой дождями, вывеской с туманным намеком на трех львов. Пили коньяк, венгерское, старый мед и старый маслянистый бенедиктин.

Вошли новые гости, два «ингуша» – ротмистр Тугарин с Георгиевским крестом и поручик Джемарджидзе, красивый типичный грузин, служивший сначала в пехоте, затем в опереточной труппе. Небольшой, но приятный и мягкий тенор внушил Джемарджидзе мысль променять полицейский мундир на огни рампы. С войной опереточный тенор был призван в армию.

Служба в полиции научила его как-то особенно присматриваться к людям. Это уже было что-то профессиональное, чего не могли вытравить ни подмостки театра, ни черкеска офицера Дикой дивизии. И когда Тугарин и Джемарджидзе подъехали верхом к цукерне и сдали лошадей вестовым ингушам, по горскому обычаю засунув нагайки за пояс, на спину, Джемарджидзе сказал:

– Понимаешь, Тугарин, этот хозяин кофейни внушает мне... как бы тебе сказать... подозрение.

– В каком смысле?

– Не агент ли австрийский?

– Ну вот! Тебе всюду мерещатся шпионы, – улыбнулся Тугарин.

– Глаз имею, нюх имею! Джемарджидзе, как Патэ-журналь: все видит, все знает.

Они вошли в цукерню. Не только свободного столика, но даже присесть негде. Все облеплено до отказа и своими, и «соседними» уланами и гусарами.

Тугарин, невыдержанный и горячий, вспыхнул:

– Что за безобразие! Сейчас подать столик!

Вид высокого, мужественного, увешанного оружием офицера вогнал в панику обоих лакеев, и они беспомощно заметались. Беспомощно, так как запасного столика не было, а если бы даже и был, то за полным отсутствием места его негде было бы поставить.

– Где ваш хозяин? Позвать его! – и уже в бешенстве Тугарин выдернул из-за спины нагайку.

Побледневший лакей метнулся в глубь квартиры, и через полминуты к Тугарину подошел улыбающийся пан Руммель.

– Что прикажет господин ротмистр?

– Я требую столик. Какой вы хозяин? Где вы пропадаете? Ваше место здесь!

– Господин ротмистр, вы сами видите...

– Вижу, что вы наглец! – с перекосившимся лицом выкрикнул Тугарин так оглушительно, что все смолкло кругом и бильярдные игроки с киями поспешили в зал.

Лицо пана Руммеля приняло гневное, хищное выражение, какие-то желваки заходили под кожей углов рта и скул, но тотчас же все это сменилось чем-то медовым, искательным:

– Господин ротмистр, не моя вина, если... Он не успел договорить.

– А, не твоя вина! Не твоя... – иступленно повторил Тугарин и, взмахнув нагайкой, так ударил по лицу пана Руммеля, что вдоль щеки легла багровая полоса.

– Что ты делаешь! – воскликнул Джемарджидзе. Но было уже поздно.

Пан Руммель даже не дрогнул, даже не отступил, даже сохранил медовую улыбку. Только взгляд его, злой, полный убийственной ненависти, выдавал его. Хватило даже силы воли сделать полупоклон, после чего, не торопясь, он удалился туда, откуда только что пришел.

Вечером, не дожидаясь ночи, а как только стемнело, с опаской да оглядкой, черным ходом проник Карикозов к Руммелю.

Фельдшер сначала хотел было посочувствовать, но барон со вздутой на щеке полосой остановил его:

– Не надо! У вас есть что-нибудь новое?

– Есть новая, очень много новая, – захрипел Карикозов. – Юзефович, татарски морда, приказал подписать на ваша арест. Ночью всадники конвоя с один офицер придут за тобой, – сказал фельдшер и поправился: – За вами.

И умолк, подбоченившись. Сейчас он уже не был подобострастным. Какой смысл заискивать перед тем, кого через несколько часов могут повесить и от кого не будет уже никакой пользы?

Карикозов ожидал, что пан Руммель испугается, задрожит. Но пан Руммель был спокоен, может быть, даже слишком спокоен. Это повергло фельдшера сначала в недоумение, а потом в чувство какой-то злобы.

Он высказал вслух затаенную мысль:

– Вот Карикозов какой! Кто тебе предупреждение дал? Карикозов. Кто жизнь спасал? Карикозов. А что с этого Карикозов будет имел? Карикозов остается без работа и без деньги.

Улыбнувшись, пан Руммель в тон ответил ему:

– Карикозов не останется без работы и без денег. Видите это железное кольцо? К вам с этим кольцом подойдет человек, и вы будете работать с ним, как работали со мной.

– А сейчас? – перебил фельдшер, изнемогая от жадности.

– А сейчас это! – и, дав ему две пятисотрублевки, пан Руммель прибавил. – Уходите! Мы еще встретимся!

Ее первый роман с тринадцатью письмами

Дам неохотно пускали на фронт, если это не были сестры милосердия. Командующие армиями и те почти не разрешали своим женам погостить у себя в штабе. Генерал Брусилов за все время войны так и не пустил свою жену не только к себе в штаб, но и в распоряжение своего фронта.

Ларе не удалось бы попасть в Дикую дивизию, если бы не два обстоятельства. Первое – следуя мудрому совету Юрочки Федосеева, она привезла несколько ящиков с подарками. Второе же, главное всех подарков – Михаил Александрович знал не только самое Лару, но знал и брата ее покойного мужа, и ее собственного брата, Сергея Фручера.

Константин Алаев – сослуживец Михаила посиним кирасирам, Фручера же – сослуживец по гвардейской артиллерии. Когда, обвенчавшись с Натальей Брасовой, великий князь жил перед войной в полуопале, полуизгнании в Ницце, Сергей Фручера каждую неделю посылал ему из Петербурга солдатский ржаной хлеб и несколько фунтов гречневой крупы. На чужбине Михаилу, с его простыми здоровыми вкусами так не хватало черного хлеба и гречневой каши. С милой, застенчивой улыбкой он вспоминал все это, принимая Лару у себя. Он до того растроган был охватившими воспоминаниями – даже проявил несвойственную ему твердость, когда Юзефович заявил, что следовало бы попросить барыню о немедленном возвращении в Петербург, и что здесь ей не место.

– Нет, Яков Давыдович, пусть она поживет несколько дней. Тем более, что она ведь привезла нашим всадникам гостинцы.

– Но ваше высочество, штаб армии категорически запретил появление на фронте частных лиц.

– Это запрещение не может касаться моих гостей, – последовало возражение, и это «моих гостей» было произнесено так и с таким ударением, что много себе позволявший, властный начальник штаба умолк. И уже совсем прикусил язы», вспомнив, что со дня на день приедет его жена. А перед ней он пасовал, и это маленькое, бледное существо держало в руках темпераментного, резкого татарина-мужа.

Лара осталась. Ей реквизировали комнату в гостинице. Показать ей все, что можно было показать, высочайше поручено было командиру Черкесского полка князю Александру Чавчавадзе. Наилучший выбор. Чавчавадзе был очень светский и любезный человек, и в походной обстановке державшийся, как в салоне.

В дни затишья он обладал искусством делать жизнь удобной, веселой и приятной. В Черкесском полку, был хор трубачей, едва ли не единственный в дивизии. Все остальные полки пробавлялись зурначами. Но и у Саши Чавчавадзе были зурначи, опять-таки лучшие.

После Петербурга все было здесь для Лары так ново и ярко. Эти обеды под открытым небом в тени вишневых садов, обеды без тыловых пересудов и сплетен о царской семье, за последнее время отравивших своим ядом все петербургское общество.

Эти офицеры в черкесках, смотревшие в глаза смерти, совершавшие подвиги и, кто знает, что ждет их через несколько дней в этих же самых равнинах бегущего, живописного в капризных извилинах своих Днестра.

А эти ночи с яркими звездами и заревами где-то далеко пылающих деревень? Эти цветные ракеты австрийцев, чертящих зеленые и красные зигзаги на фоне, темных глубоких небес?

Эта повседневная жизнь фанатически покорных судьбе туземцев. Эти острые пики, прислоненные к соломенным крышам Низеньких халуп. Гортанная, непонятная речь смуглых всадников, запах лошадей и кожаных седел, запах и дым костров... Вечерняя молитва, когда разостлав свои коврики, обратившись на восток, коленопреклоненные туземцы, качая

головами и закрыв глаза, сосредоточенные до экстаза, шепчут слова Корана... Лара впитывала в себя все это и, сама не отдавая себе отчета, ощущала если и не перерождение, то, во всяком случае, какое-то освежающее обновление...

Эти мусульмане, ингуши и черкесы, не говорившие по-русски, учили Лару тому, чему ее не учили в Смольном институте. Учили любить Россию, такую необъятную, таинственную, сумевшую создать эти горские полки, разноплеменные, разноязычные. И они идут в бой за нее, за Россию, идут как на праздник, и так же празднично, без мук и сомнений умирают за нее.

И то, чего не сделали годы светской жизни в Петербурге и за границей, то удалось сделать несколькими днями в прифронтовой полосе. Под настроением бесед о войне и веры в победу, под настроением этих молившихся с заходом солнца воинственных горцев, под настроением большого и важного, с чем она так близко соприкоснулась и что совершается не только здесь, на маленьком участке, но и на фронте в тысячу верст, Лара углубилась в себя и сделала какую-то переоценку...

Повторяем, это не было перерождение. Не явилось вдруг желание подвига хотя бы сестры милосердия, отдавшей целиком заботам о раненых, но явилось желание стать чище и лучше. И опять-таки, не путем аскетического удушения в себе женщины – это никому не нужно и прежде всего ей, Ларе, – а просто она увидела, что надо быть разборчивее, менее распушенной и не только отдаваться, увлекаясь, а то совсем и не увлекаясь, а полюбить, по-настоящему полюбить. Да, эти звездные ночи, эти буковые леса над застывшей холодной сталью сонного Днестра, эти зарева далеких, почти мистических пожаров – все это будило душу, сливаясь в один захватывающий порыв. И, с презрением к самой себе, она вспомнила свой последний роман с вылощенным, надушенным и лысым капитаном генерального штаба. Он «воевал» в Петербурге, окопавшись в своем кабинете под монументальной аркой, на Дворцовой площади. Он питал брезгливое отвращение к войне, к тому, что переживала Россия, и ко всему, что не было спокойным комфортом, узко эгоистическим окружением его великолепной особы.

И потому, что этот капитан, вылощенный и ледяной, был ее последним «капризом», она вспомнила свое первое увлечение другим капитаном генерального штаба, высоким, с плебейским лицом и с тонкими аристократическими руками. У него были голые, без ресниц, какие-то белые глаза. И когда, много лет спустя, она вспоминала эти глаза, дрожь отвращения охватывала ее.

Окончив институт, она приехала на лето к отцу, губернатору в юго-западном крае. В этом городе служил капитан генерального штаба Нейер. Он имел репутацию опытного развратника. Вчерашняя институтка, гибкая, матовая, с миндалевыми темными глазами, не могла не привлечь его благосклонного внимания. Рядом с нею губернские дамы, сердца коих он пожирал без остатка, показались ему вульгарными и, кроме этого, Лара была еще невинна. Он влюбил ее в себя. Она бегала тайком к нему на холостую квартиру и писала безумные письма.

Нейер холодно развращал ее, и так это продолжалось около двух месяцев. А потом приехал ревизовать губернию видный петербургский чиновник Алаев. Губерния оказалась далеко не в порядке, Алаев же оказался богатым человеком с отличной карьерой не только в настоящем, но и в будущем.

Алаев заметно увлекся губернаторской дочкой. Отец сказал ей:

– Если ты откажешь Алаеву, я погиб! Да и сам по себе Алаев завидная партия.

К этому времени чувственная любознательность Лары – она принимала ее за наивысшую влюбленность – успела остыть. Больше того, Лара успела возненавидеть грубого циника, не пытавшегося даже, хотя бы девичьих иллюзий ради, обвеять свои отношения хотя бы дымкой поэзии, хотя бы красивой ложью.

И еще до приезда Алаева она прекратила посещения «гарсоньеры» Нейера. Он бесился, бесился от неугасшей похоти и оскорбленного самолюбия.

Лара хотела спасти своего отца от позорной отставки, да и вполне согласилась с ним, что Алаев действительно завидная партия. Алаев, красивый тридцативосьмилетней правоведа, был симпатичен ей и как мужчина, и как симпатичный собеседник. И вот она его невеста, а через месяц-другой и его жена. Но для этого необходимо порвать с прошлым и потребовать у Нейера безумные, компрометирующие письма.

Вот когда уязвленный самец увидел, что Лара все еще пока в его власти.

– Вам угодно получить ваши письма, очаровательное дитя мое? – спросил он с висельнической улыбкой белых глаз.

– Надеюсь, что вы как порядочный человек...

– Милая моя, полноте вам! Какая там порядочность? Тем более к вам, так вероломно забывшей дорогу ко мне? Какая неблагодарность! Я вам открыл, можно сказать, врата. Эдема, научил таким наслаждениям и ласкам. Но не будем предаваться лиризму, ближе к делу! Вот вам мой ультиматум: ваших писем у меня тринадцать. Фатальная цифра, кстати! За каждым из них вы будете приходить ко мне и, уходя паинькой, будете получать по одному... Тринадцать визитов. Право же, мы не будем скучать.

– Вы... вы чудовищный негодяй! – бешеная ненависть душила Лару. Она глаз не могла поднять на него, так он был ей омерзителен.

– Ха, ха, ха! – рассмеялся Нейер. – «Чудовищный негодяй!» Но я не из обидчивых. Да и что такое негодяй? Понятие весьма растяжимое. И разве вся человеческая мораль не растяжима как гуттаперча? На одной точке земного шара почитается злом то, что на другой точке люди называют добром. Но не будем вдаваться в философию. Говорю вам ясно и просто: если вам не угодно получить ваши письма в порядке, мною начертанном, я их все запечатаю в один конверт и отправлю вашему жениху в качестве... ну, свадебного подарка, что ли. Вы девица неглупая и можете учесть все последствия одного свадебного подарка. Итак – либо-либо? Ваша честь в ваших собственных руках.

Лара получила свои тринадцать писем от Нейера, получила ужасной, незабываемой ценой, и той же осенью обвенчалась со статским советником Алаевым.

На поляне и за столом

Для всей дивизии подарков не хватило бы. Да и кроме того, полки Чеченский, Кабардинский, Татарский и Дагестанский находились в стороне от «большой дороги».

А большая дорога начиналась штабом дивизии и кончалась штабом бригады полков Ингушского и Черкесского.

Эта дорога была дорогой Лары, и по ней носился ее автомобиль, весьма неохотно предоставленный Юзефовичем «этой петербургской барыньке».

В душе Саша Чавчавадзе хотел, чтобы все подарки достались его черкесам, но это было бы неловко по отношению к соседям-ингушам, а такой неловкости дипломат Чавчавадзе никогда не допустил бы.

Он совещался с абхазцем, полковником Мерчуле, командиром ингушей, как обставить это маленькое событие в жизни бригады. Мерчуле, тихий, скромный, избегавший всякой помпы, ответил:

– Да что ж, князь, раздадим как-нибудь, да и все тут.

Но Чавчавадзе, равнодушный ко всему декоративному, восстал:

– Должна быть торжественность. Необходимо подхлестывать их восточное воображение. Хор трубачей. Всадники должны быть одеты празднично. В первую голову одарить вахмистров, унтер-офицеров и всадников постарше.

– Тех, которые меньше всего нуждаются...

– Да! Но важен престиж! Здесь главный принцип – охранение старшинства. Это именно в духе туземцев.

– Пусть будет так, – покорно согласился Мерчуле.

Меж вековых дубов, на пышной изумрудной поляне толпа офицеров окружила свою гостью и раскрытые ящики. Оба полка в новых парадных черкесках и в цветных башлыках – ингуши в синих, черкесы в красных – выстроены были по сотням. В ясном солнечном воздухе далеко разносились чистые прозрачные звуки ослепительно сверкающих медных труб. Марши сменялись «Вещим Олегом» и популярной песенкой «На солнце оружием сверкая». И трубачи, и эффектные красочные пятна – стройные ряды всадников в черкесках, башлыках и папах, и нарядная группа начальства с красивой молодой женщиной – все это создавало столь желанное для Саши Чавчавадзе праздничное настроение.

По программе первые одаривались те, у кого были нашивки, Георгиевские кресты и седые бороды.

Надо было видеть, какой радостью вспыхивали глаза этих Георгиевских кавалеров – конвойцев еще Александра II – когда из рук прелестной ханум они получали кто пачку папирос, кто кусок мыла, кто плитку шоколада или катушку ниток. Не пустячным подарком, а вниманием овладевала ханум сердцами этих сухих, обветренных бойцов, отмеченных шрамами трех войн и служивших при трех императорах.

Это чувство сообщалось Ларе, и она сияла вся, и казалось ей, что лучших минут еще не было в ее жизни и они останутся незабываемыми. И было еще сознание, что она привлекательна и ею любят и окружающие офицеры, и те, кого она как добрая фея дарит своим женским приветом на залитой солнцем поляне, среди исполинских дубов. И это было безыскусственно просто в таком слиянии с девственной мощной природой.

Восторженный Юрочка Федосеев был на седьмом Небе.

Когда к Ларе подошел всадник с горбоносым профилем к огненного цвета бородой, Лара смутилась. Так вот он, этот самый Бек-Боров, главнокомандующий персидской армией с крашеной бородой, о ком с восхищением вспоминал Юрочка в ее петербургской гостиной!

Лара невольно растерялась. Что можно дать этому воину с его нероновской бородой, когда персидский шах оплачивал его службу пышными самоцветными камнями? И после этого – коробка габаевских папирос или кусок варшавского мыла...

Подоспел Юрочка. Он сам волновался не менее Лары. Он вынул из ящика и подал ей большую, в полфунта, пачку душистого табаку.

Положение было спасено. Наградой гибкой, как пальма, ханум был блеск семидесятилетних и все еще молодых, огнем горящих глаз. И старый всадник так гордо отошел со своим подарком, как если бы в этой пачке заключались все сокровища шахской казны.

Стариков сменила молодежь. В юных улыбках белые зубы освещали и смуглые лица, и персиковые бледно-матовые, и коричневые, как бронза.

Чавчавадзе говорил Алаевой:

– Вы завоевали, покорили наших всадников бесповоротно и навсегда! Нет на свете подвига, который каждый из них не совершил бы за вас и для вас!

Чавчавадзе не был бы Сашей Чавчавадзе, если бы не ознаменовал этот день большим обедом у себя, во дворе крестьянской усадьбы, отведенной под его штаб.

Торжественного случая ради были приглашены гости из других полков. Возле крытой соломой галицийской халупы, за деревенскими узенькими столами собрался букет громких имен и титулов, возможный лишь при таких исключительных условиях, как война.

Рядом с единственной дамой Чавчавадзе по- садил старшего по чину гостя – генерала, персидского принца Юзула-Мирза из древней династии Каджаров. Черный, как только может быть черен перс, принц Фази, так называли его сокращенно, считался отличным боевым кавалерийским генералом. Даму свою он занимал на французском языке, свободном и бойком, но с сильным восточным акцентом: Под гул веселых голосов, под звон посуды и стаканов, под замиравшие тосты знакомил принц Фази свою даму с теми, кто, по его мнению, заслужил внимания. А внимание его можно было заслужить только военной доблестью.

Сначала, как всегда в новом обществе, для Лары все были на одно лицо: мужчины в папах. Да, в папах, ибо в подражание горцам, за трапезой под открытым небом офицеры Дикой дивизии не снимали своих головных уборов.

– Этот блондин с открытым лицом...

– Я его знаю, знаю давно, – откликнулась Лара, – это принц Мюрат.

– Вы его знаете по вашим петербургским салонам, – последовал ответ, – но вы не знаете, какой это офицер! На двенадцать баллов! Я был с ним на японской войне, а теперь вместе бьем австрийцев. Между двумя войнами мы проходили курс офицерской кавалерийской школы. Какое богатырское здоровье! Мюрат кутит напролет всю ночь, утром возвращается к себе на квартиру, выпивает стакан молока, берет холодную ванну, прямо в манеж и целый день работает, не слезая с седла. Так заматывает самых сильных гунтеров, что от них только пар идет... Это школа! Такие офицеры создавали и создают русскую конницу, единственную в мире. А на японской войне? Получив сквозную рану в шею, он без перевязки идет в атаку и опрокидывает японские эскадроны. Уже здесь, в Карпатах, он спасает положение всей бригады, почти отрезанной, когда на лямках ему были поданы пулеметы...

– Как это на лямках? – не поняла Лара.

– Он с горстью своих людей находился на такой круче – подняться к нему никакой возможности не было! Тогда Мюрат приказал спустить длинные-длинные веревки, и на этих веревках его люди подтянули пулеметы. Из них он открыл огонь – австрийцы бежали в панике!

– Да, все это необыкновенно и так захватывающе! – вырвалось у Лары. – Слушая ваше высочество, жаждешь сама чего-то необыкновенного! Как это все красиво! Решительно все! Но вы ничего не говорите о себе, а у вас Георгиевский крест, отличие храбрых и смелых.

– Это не более, как очередная награда, – молвил Фази, не терпевший говорить о себе.

– А вот смотрите, влево от Мюрата, как и он, такой же жизнерадостный, штабс-рот-мистр Тапа-Чермоев, бывший офицер собственного его величества конвоя, а теперь адъютант Чеченского полка. Тапа сам чеченец и пользуется большим влиянием среди чеченцев. Недавно Чермоев выкинул номер. Средь бела дня, увлекшись разведкой, не заметил, как очутился буквально в пятидесяти шагах от окопов противника. Эта дерзость так ошеломила австрийцев, они даже не стреляли, а уж чего выгодней мишень: всадник в полсотне шагов. Чермоев не был бы горцем, если бы, заметив свою оплошность, бросился наутек. И он сделал так же лихо, как делали его предки чеченцы в борьбе с русскими. Он задержал коня и, молодецки заломив папаху, посмотрел на ошеломленных австрийцев; а потом с гиком, стегнув коня плетью, взвил его на дыбы, и, повернув, как на оси, с места понесся карьером назад, к своим. И это было так ошеломляюще – ни одного выстрела вдогонку. Нет, клянусь Богом, это была картина... Я был в полуверсте и наблюдал в бинокль. Совсем как театральное представление. Нет, молодец Тапа!

В этот момент взгляды Чермоева и принца Фази встретились. Чермоев приподнял свой бокал, принц Фази свой, и оба выпили.

Фази продолжал:

– Я люблю его за многое: и за то, что он знает и любит свой Северный Кавказ и своих чеченцев. Тапа – живая история всех кавказских войн. Память у него изумительная! Пытливый ум и знание предмета в мельчайших подробностях делают его увлекательным собеседником. Я сам люблю Кавказ – его нельзя не любить – вся моя служба прошла среди горцев, и потому мне все кавказское особенно мило и дорого!..

Глава, в которой Саша Чавчавадзе перестал быть светским человеком

После обеда хозяева и гости разбились на группы. Самая большая группа тесным кольцом черкесок сгустилась вокруг Лары. Женщина, да еще такая, как она, редкостью была на фронте. Офицеры не видели здесь никого, кроме галицийских крестьянок и сестер милосердия. Крестьянки были грязны, а сестры милосердия успели примелькаться своими косынками, своим аптечным запахом и своей доступностью. А это, это настоящая дама. Кроме аромата духов, она вся Овеяна также ароматом светской жизни Петербурга. Казалось, частицу этой самой жизни, такой манящей, она привезла с собою в складках своего платья, в движениях, в улыбке.

Каждому хотелось быть поближе к ней, коснуться хотя бы рукавом черкески. И за право это сделать, за право поймать на себе хотя бы мимолетный взгляд ее темных продолговатых миндалин, эти мужчины готовы были соперничать между собой, как самцы, со всеми последствиями такого соперничества. И напружинивались локти. Готовые мгновенно обидеться, вспыхивали глаза. Пальцы тянулись к рукояткам кинжалов. Это чувство одинаково овладело не только кавказцами, но и русскими, и прибалтийскими немцами, всеми, кто изнемогал от желания схватить ее, эту гибкую, приятно пахнущую гостью, схватить, как хватали амазонок центавры, и умчаться с нею под густую тень вековых дубов, где утром была раздача подарков... Война разнуздывает и обнажает инстинкты. Самые тонкие мужчины превращаются в дикарей. В атмосфере насилия и торжества тех, кто вооружен до зубов и чьи острее отточены когти, что такое овладеть женщиной, помимо ее желания? Эпизод. Эпизод, о котором можно будет вспомнить с приятной самодовольной улыбкой.

И Лара ощутила себя, не могла не ощутить, центром все этих вожделений. Она читала в игре лицевых мускулов и в потупленных взглядах. Это не льстило ей, но и не оскорбляло, потому что она понимала этих мужчин, изголодавшихся, здоровых, цветущих, вечно в движении, на воздухе. Это было естественно, а потому не отталкивало. Совсем другое, чем оставшийся в Петербурге вылощенный капитан. У того это было надуманно, искусственно, а потому и противно.

Один Юрочка доволен был платонической ролью пажа Лары. Этот паж был немного пьян и, как все молодые люди, которые не умеют пить и которым хмельное состояние не идет, был какой-то и смешной, и блаженный, и гордый тем, что он знает Лару давно. В этом месиве Мужчин вокруг одной женщины Юрочка представлял их ей одного за другим:

– Лариса Павловна, корнет князь Радзивилл... Ротмистр Тугарин.

Радзивилл ниже ее, а Тугарин значительно выше, рослый и видный. Лара отметила, что лицо у него грубоватое особенной грубоватостью таких же рослых степных помещиков, что в поддевках появляются на конских ярмарках. Да, поддевка, шаровары, высокие сапоги, но не купец и не барышник. И хотя не видно тонкой породы, но и по манере носить голову, и по осанке, по голосу, по всему угадывается дворянин, помещик. Так и Тугарин. В нем, с одной стороны, что-то степное, господское, с другой, что-то кавалерийское – с такой внешностью нельзя не служить в коннице. И поэтому Тугарин запомнился Ларе, запомнился еще удалью и силой – так и веяло от него и тем, и другим от всей его фигуры, широкой в плечах и в груди.

К Ларе подошел Чавчавадзе. Ему легко было подойти: перед ним, старшим полковником и командиром черкесов, все расступались, и никто враждебно и вызывающе не напружинивал своих локтей. Он только успел обратиться к Ларе с какой-то любезностью, как перед ним вырос адъютант Черкесского полка Верига-Даревский.

– Начальник штаба дивизии просит ваше сиятельство к телефону.

Телефонная проволока была вестницей чего-то такого, что сразу вдруг изменило общее настроение. Чавчавадзе вернулся другой, озабоченный. От его светскости не осталось и следа. Минуту назад женщина была здесь украшением, услугою, теперь она была только помехой.

Чавчавадзе сказал – Юрочке:

– Федосеев, отведите мадам Алаеву в Тлусте-Място. А Ларе сказал:

– Я очень сожалею, но мы должны прервать наше милое беззаботное веселье. От имени своего полка еще раз благодарю за подарки, и счастливого пути!

Этим «счастливого пути» он подчеркнул, что они более не увидятся и теперь ему уже не до гостей.

Ларе было непонятно и ново: и этот холодок, и то, что все сразу стали строгими, деловыми и что на нее никто уже не обращал внимания. Офицеры садились на лошадей, поданных вестовыми, и уезжали.

Дорогой, сидя с Ларой в автомобиле, успевший отрезветь Юрочка объяснил:

– Это, конечно, между нами, Лариса Павловна. Ночью мы перейдем в наступление и будем рвать фронт.

– Юрочка... хоть бы издали, хоть бы одним глазком...

– Что вы, что вы! – испугался Юрочка. – Ни под каким видом. Юзефович попросит вас сегодня же уехать!

– Но куда же, куда же, Юрочка? – с отчаянием вырвалось у Лары. Она увидела себя такой бесприютной, такой беспомощной. Все было так интересно тут, так заманчиво и вдруг... Нет, нет, это ужасно! Возвращение в Петербург, теперь такой скучный, такой ужасный, постылый и ненужный!..

– Я не хочу в Петербург! Не хочу!

– Ну его совсем, этот гнилой Петербург! – согласился Юрочка. – Знаете, что я придумал? Ведь вы свободны как ветер? В Петербурге ни с чем не связаны?

– Ничем решительно! – твердо ответила Лара, вспомнив вылощенного капитана.

– И отлично! Поезжайте в Киев. Там бьется жизнь, там чувствуется на каждом шагу тыл. Центр киевской жизни – «Континенталь». Остановитесь в нем и вы увидите, как будет хорошо! Через несколько дней, когда мы закончим операцию, многие из наших туземцев бросятся в Киев отдохнуть, освежиться. Не выходя из «Континенталья», вы будете вновь в Дикой дивизии. Да и я прикачу, если останусь жив.

– Глупости! Конечно, останетесь!

– Не глупости, война!..

Карикозов в большом свете

Капитан Сальватичи, он же пан Руммель, успел скрыться в ту самую ночь, когда поручик Джемарджидзе вместе с ингушами и с агентом армейской контрразведки оцепил кофейню «Под тремя золотыми левами» на предмет обыска и ареста видного неприятельского шпиона.

Обнаружилось, что капитана Сальватичи и след простыл. Джемарджидзе в бешенстве сорвал с себя папаху, бросил оземь и начал топтать ногами.

– Удрал, негодяй! Удрал!

Велико было отчаяние. Еще бы, Джемарджидзе присмотрел уже возле штаба полка дерево, на котором должен был висеть австриец, и вот, не угодно ли, такой провал!

Обыск не дал никаких особенных результатов, хотя полицейский нюх Джемарджидзе и привел его к тайной телефонной системе. Сальватичи успел испортить ее, и поручику Джемарджидзе в виде трофея достался деревянный прямоугольник с оборванными шнурами и без штепселей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.